

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

СПАСЛА ФЕРМУ УПРЯМОГО МУЖИКА

Екатерина Мелкова

Спасла ферму упрямого мужика

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Спасла ферму упрямого мужика / Е. Мелкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Вероника, кандидат биологических наук, приезжает в глухую деревню спасать ферму, но её машина застревает в грязи. На помощь приходит суровый фермер Илья. Вместе им предстоит вытащить корову, принять сложный отёл, пережить диверсии рейдера и отстоять хозяйство. Сможет ли городская учёная найти своё место в тайге и растопить сердце упрямого мужика? История о любви, которая сильнее любых преград.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Шнайдер

Спасла ферму упрямого мужика

Спасла ферму упрямого мужика

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1

Я вдавила педаль газа. Глина под днищем кроссовера держала машину мёртвой хваткой. Тяжёлое, маслянистое вологодское месиво вперемешку со щебнем и суглинком, в которое многотонные лесовозы накатали колею по колено. Воскресный ноябрьский ледяной ливень с каждой минутой всё плотнее переходил в колючий, мокрый снег. Дворники со скрежетом размазывали по стеклу серую кашу, но за ней стояла лишь глухая, непроглядная стена припойменного ельника.

Я отпустила газ, включила заднюю передачу и попробовала раскатать машину короткими нажатиями на педаль, отчаянно надеясь сорвать её с земляного якоря. Колёса с надрывным визгом провернулись на месте, беспомощно шлифуя скользкие глиняные борта. В салон мгновенно проник едкий, тошнотворный запах жжёного сцепления, двигатель судорожно захлебнулся и смолк. В наступившей тишине было слышно только, как дробно стучит ледяная крупа по тонкому металлу крыши.

Я выждала минуту, пытаюсь унять дрожь в пальцах, и снова повернула ключ зажигания. В ответ раздался лишь сухой, беспомощный щелчок втягивающего реле. Приборная панель моргнула тусклым аварийным светом и окончательно погасла. После десятка попыток запустить заглухший двигатель аккумулятор сдался. Стрелка топлива давно лежала на нуле. Машина превратилась в остывающий железный капкан посреди глухой тайги. До села Громово оставалось четыре километра непролазной гати, а мобильной связи не было уже от самого райцентра.

— Спокойно, Вероника, — сказала я себе вслух, видя, как белый пар вырывается изо рта. — Ты кандидат биологических наук. Ты приехала спасать хозяйство. Не смей раскисать.

Я толкнула водительскую дверь плечом. Ледяной шквал ветра тут же обжёг лицо сотней мелких игл, вышибая слезу. Модельный замшевый сапог мгновенно ушёл в жижу выше щиколотки; ледяная вода просочилась сквозь молнию, судорогой сведя икру. Ветер вывернул спицы зонта и швырнул его обломок в придорожный кустарник. Я отдала бы сейчас все публикации за пару сухих сапог. Вода уже добралась до носка. Сжав зубы до боли, я с трудом выдернула ногу из чмокнувшей грязи, ввалилась обратно на сиденье и захлопнула дверь, дрожа от пронизывающего холода.

Внезапно земля под колёсами мелко и грозно задрожала.

Сквозь круговорот снега на высоте человеческого роста вспыхнули два чудовищных круглых прожектора. Земля гудела от поступи тяжёлого дизеля, прорезающего распутицу с мощью океанского ледокола. Сердце упало в пятки: в панике я вдавила кнопку блокировки замков и нащупала в кармане куртки перочинный скальпель — единственное оружие, бывшее под рукой.

У фермы ждали мой приезд: за час до потери связи я успела позвонить Илье. Громадный жёлтый трактор К-700 «Кировец» на колёсах выше моего роста плавно замер в пяти метрах перед моим капотом. С шипением сработали пневматические тормоза. Дверь высокой кабины распахнулась, и прямо в глубокую колею легко прыгнул человек.

В лучах фар он казался былинным богатырём. Широченные плечи в брезентовой штормовке на овчине, тяжёлые яловые сапоги; он ставил их в колею, пробуя грунт под снегом. Изпод надвинутой шерстяной шапки выбивались тёмные пряди, а густая, аккуратно подстриженная борода была тронута серебром снега. Он подошёл к моей двери неторопливой, хозяйской походкой и согнутым пальцем постучал в стекло.

Я приоткрыла окно на два сантиметра: — Кто вы такой? — Живая, докторша? — голос у него оказался низким, глубоким, с лёгкой насмешливой хрипотцой, от которой внутри у меня странно кольнуло. — Открывай, греться пора. А то к утру отличный леденец получится. — Я

Вероника Андреевна Соколова, ведущий биотехнолог! — отчеканила я, сдерживая стук зубов. — Будьте добры зацепить трос и вытянуть машину на твёрдое покрытие!

Мужчина чуть приподнял бровь. Серые, пронзительные глаза цепко скользнули по моему бледному лицу, по мокрому воротнику, по зажатому в пальцах скальпелю. — Сама догадалась или подсказал кто? Громов я. Илья Васильевич. А железо твоё сейчас в болоте останется, если спесь не убавишь. Сиди смирно, руль держи прямо.

С его плеча со звоном упал стальной трос толщиной в два пальца. Илья опустился на колени прямо в колею и завёл кованый гак за буксирную проушину. «Кировец» натянул трос, сталь зазвенела струной, но глина держала кроссовер вакуумным захватом; металл проушины жалобно взвизгнул, начиная деформироваться.

— Стой! — крикнул Илья механизатору.

Громов выхватил из прицепа две дубовые лаги, лопату и тяжёлую кувалду. С глухим чавкающим звуком он расчистил землю перед колёсами и вбил под них упорные брусья. Земля стонала под его ударами; в каждом движении чувствовалась несокрушимая мужская мощь и точный расчёт. Повторный рывок турбодизеля был мягким: кроссовер со звучным всплеском вырвался на гравийный гребень дамбы. Илья представил механизатора: Степан Лукич; он и остался за рулём трактора.

Я распахнула дверь, чтобы поблагодарить спасителя, но нога соскользнула с обледеневшего порожка. Я полетела спиной прямо в канаву. Вскрик застрял в гортани.

Могучая рука в кожаной рукавице на лету перехватила меня за талию, словно пушинку. Воздух вышибло из лёгких, когда меня прижало к каменной мужской груди. Сквозь холод я ощутила сухой, яростный жар: он пах смолистым сосновым дымом, чабрецом, железом и свежим морозным ветром. — Куда летишь, птица городская? — тихо выдохнул он мне в самое ухо, и тёплое дыхание коснулось щеки.

Одним слитным движением Илья перенёс меня через лужу и поставил на ступеньку трактора. Сердце заколотилось где-то в гортани — часто и неуправляемо.

Перед отъездом Илья забрал с заднего сиденья мой инструментальный кейс и чемодан; лабораторный термобокс в багажнике я велела оставить до возвращения за машиной. В просторной кабине «Кировца» он укутал меня с головой сухим овчинным тулупом, включив печку на полную мощность. Дизель басовито урчал, устремляясь сквозь буран к огням села. Илья бросил на меня внимательный взгляд: — Отогревайся, Вероника. Времени у нас в обрез. На ферме беда. Зорька ложится — лучшая корова отца. Отёл пошёл вкривь, телёнок застрял насмерть. Если потеряем её — весной хозяйство пустят с молотка за долги. Вся надежда теперь на твои руки.

От ворот родильного корпуса до нас уже долетал стон Зорьки.

Бетонированный двор фермы встретил нас тревожным, зловещим хаосом. Жёлтые фонари на столбах раскачивались под порывами ветра, бросая длинные рваные тени на мокрый бетон. У распахнутых ворот родильного корпуса горел костёр в бочке, возле которого метались фигуры в засаленных ватниках. Из тёмного нутра здания доносился протяжный, надрывный стон животного, от которого сжималось сердце.

Я сбросила тулуп на сиденье, оставшись в свитере крупной вязки и рабочих брюках. Замшевые сапоги хлопали, но адреналин уже выжег холод из вен. Подхватив инструментальный кейс со стерилизатором и шовным материалом, я спрыгнула на бетон вслед за Ильёй.

В дверях дороги нам заступил коренастый старик с багровым лицом — старший механизатор дядя Степан. В руке он сжимал мясницкий топор. — Не пушу! — хрипел старик, брызгая слюной. — Илья, опомнись! Чего ты фифу городскую приволок?! Зорька седьмой час мучается, пена пошла! Резать надо, пока мясо тёплое! Саблинские забойщики за околицей ждут, хоть по восемьдесят рублей за кило снимем! А сдохнет сама — падаль на скотомогильник пойдёт!

Илья шагнул вперёд, сжимая челюсти до белых желваков, но я опередила его: — Опуститопор, Степан! — мой голос хлестнул сталью, заглушив гул в тамбуре. — Животное ещё живо. Пока я здесь — ни одно лезвие к ней не прикоснётся. Спрячь железо, иначе пойдёшь под суд за умышленный убой племенного скота!

Степан опешил и отступил под моим прямым взглядом. Я проскользнула в загон, быстро проверила сердцебиение плода и ощупала доступные родовые пути.

В глубокой соломе на боку тяжело дышала Зорька — элитная голштинка с идеальной геометрией туловища. Её бока вздымались со свистом, на губах пузырилась слюна, веки отяжелели. Родовая деятельность угасала. Я опустилась на колени рядом с её головой. Ладонь легла на горячее, сухое зеркальце носа. Корова вздрогнула и вдруг с тихим, жалобным мычанием доверчиво положила тяжёлую морду мне на бедро, словно признавая во мне защиту.

— Отцовская гордость, — глухо произнёс Илья, опустившись напротив. В его глазах стояла глухая боль. — Сорок два литра суточного удоя давала. Золотой фонд, Ника. Спаси её. Всё отдам. — Сейчас ты будешь моим помощником, Илья. Каждую команду выполняй точно.

В загон снова протиснулся Степан с фетотомической проволоочной пилой: — Да чего там слушать! Застрял плод в тазу! Давай хоть пилой телёнка по частям раскидаем, по суставам вырежем! Матку сбережём!

Он занёс трос над животным. Коротким, поставленным ударом ребра ладони я выбила пилу из его скрюченных пальцев прямо в навозную жижу: — Вон отсюда с пилой! Никакой эмбриотомии! Плод жив, я чувствую пульсацию пупочной артерии! Я вытащу обоих!

Мужики у ограды зароптали с насмешливым недоверием. Илья поднялся во весь двухметровый рост и ударил кулаком по дубовой перекладине; загородка загудела: — Шапки сняли! — его голос прогремел набатом под железной крышей. — Перед вами Вероника Андреевна из Москвы, лучший доктор! Слушаем её в оба уха! Через две минуты здесь должно быть всё, что она скажет!

Глава 2

Мужики бросились к кладовой и котельной, Степан убрал пилу за ограду.

Я закатала рукава свитера, вымыла руки и надела длинные акушерские перчатки. Осторожно вошла в родовые пути. Стенки матки судорожно сжимались вокруг сухого тела плода. Пальцы нащупали неестественный винтовой изгиб тканей. — Диагноз ясен, — выдохнула я, чувствуя, как пот заливает лоб. — Заворот матки на сто восемьдесят градусов против часовой стрелки. Плюс заворот головы телёнка за лопатку. Она завязана узлом изнутри. Шейка перекручена, кровоток нарушен.

— Сможешь разрезать? Кесарево? — глухо спросил Илья. — В этой грязи и на сквозняке? Для операции нужны другие условия. Будем разворачивать матку руками. Без ножа. — А чем смазывать? Ветпункт пуст, Саблин нам даже вазелина не продал! — Мешок льняного семени из кладовой! — скомандовала я Степану. — Два ведра кипятка, детское мыло и чистый капроновый шнур из мастерской! Живо!

Через пять минут прямо в цинковом ведре мы заварили густой льняной отвар, пенившийся скользкой слизью и благоухавший ореховым теплом. Из капрона я связала две двойные петли Шеверса с мягкими узлами, чтобы не передавить суставы новорождённого.

Я взглянула в серые глаза Ильи: — Твоя сила сейчас — мои скальпели, Илья. Своими руками я матку не поверну. Я направлю твою руку. Веришь мне? — Верю, Вероника. Веди.

Льняной отвар успел остыть до тёплого; я снова опустилась рядом с Зорькой.

От вёдер с горячим льняным отваром поднимались густые клубы пара, смешиваясь с запахом навоза и распаренного тела животного. Я ввела резиновый зонд глубоко в полость матки и начала нагнетать тёплый слизистый раствор, создавая защитную гидроподушку.

Внезапно Зорька судорожно выгнулась. Слепая схватка намертво сдавила мою кисть между костями таза и крупом плода. Острая боль обожгла предплечье, воздух сдавленно вырвался из груди. — Ника! — Илья мгновенно среагировал на звук боли.

Он помог удержать корову, пока я пережидала схватку. Стоило ткани ослабить хватку, я осторожно высвободила кисть. — Жива? — он тяжело дышал мне в висок. Я чувствовала жар его кожи. — Жива. Закатывай рукава, твоя очередь.

Илья сбросил штормовку; под тонкой нательной рубашкой бугрились узловатые мышцы. Он вымыл руки и надел вторую пару длинных перчаток; я нанесла на них тёплую льняную слизь. — Входи плавно, по дуге, — я прижалась спиной к его груди, направляя его движение. — Нащупай затылок телёнка... Голова подвёрнута за лопатку. Заведи пальцы под нижнюю челюсть, как чашу. Не сломай хрящ! А теперь — тянем направо и вверх!

Мы работали как единый механизм: моя анатомическая память направляла его исполинскую силу. Я следила за положением плода и направляла Илью короткими командами; при смене положения он уступал мне место. Жилы на шее Ильи вздулись тугими канатами, рубашка на его спине с треском лопнула по шву от чудовищного напряжения.

Щёлк! Голова плода выскользнула из-под лопатки и мягко встала в правильное продольное положение таза. — Есть! — выдохнул он.

— Теперь разворот! — крикнула я. — Держим плод, поворачиваем осторожно, по часовой стрелке! На мою команду! Раз... два... ТРИ!

От наших тел в холодном хлеву валил густой пар. Мы совершили мощное круговое усилие, преодолевая сопротивление спазмированной утробы. После нескольких попыток складки родовых путей расправились; я снова ощущала их и почувствовала, что проход освободился.

— Петли! — скомандовала я Степану.

Я набросила капроновые петли на путовые суставы показавшихся копыт, затянув двойные хирургические узлы: — На схватке тянем вниз, к скакательным суставам коровы! Пошёл!

Зорька издала утробный рёв. Мы отклонились назад всем телом. И под наш общий яростный выдох на ворох чистой соломы с тяжёлым влажным всплеском выскользнул огромный, лоснящийся бычок редкой огненно-рыжей масти! Густые клубы пара поднялись от мокрого, горячего тельца новорождённого в студёный воздух хлева; Зорька судорожно, глубоко облегчённо выдохнула, уронив морду на подстилку, а мои онемевшие, исхлёстанные судорогой руки мелко задрожали, удерживая на соломе живого золотого телёнка — вырванного из объятий смерти в четыре руки, без эмбриотомической пилы и без единого надреза.

Но в ту же секунду из половых путей хлынула тёмная венозная кровь: началось атоническое кровотечение после расправления перекрученных сосудов. Глаза Зорьки стали стекленеть, голова бессильно упала в солому.

Я проверила родовые пути на разрывы, достала из кейса препарат для сокращения матки и ввела его. Пока Илья укрывал Зорьку, я следила за пульсом и кровопотерей. Томительные минуты тянулись под хриплое дыхание коровы. Кровь постепенно перестала течь. Корова шумно втянула ноздрями воздух и слабо замычала.

Мы с Ильёй сидели рядом на соломе, окровавленные по локоть, взмокшие от пота. Он медленно повернул ко мне лицо, и в его взгляде я прочла благоговение: — Ты сотворила чудо, Вероника... — его хриплый голос дрогнул от неприкрытой нежности. — Но малый не дышит! Посмотри на него!

Я отстранилась от Ильи и потянулась к неподвижному бычку.

Телёнок неподвижно лежал на боку, вытянув длинные нескладные ноги. Рыжая шёрстка была покрыта серой плёнкой, язык вывалился набок и отливал синевой, ноздри были наглухо забиты густой слизью. Грудная клетка не двигалась.

— Задохся в утробе, сердешный, — сокрушённо покачал головой Степан, стянув шапку. — Семь часов без воздуха сидел. Не жилец. Брось, докторша, корову сберегли — и то спасибо. — Молчать! — крикнула я, прижимая ухо к мокрому боку.

Тук... пауза... тук...

Редкие, затухающие толчки — не больше двадцати в минуту. Сердце ещё билось — за малыша стоило бороться. Я выхватила резиновую спринцовку, убирая слизь из пасти и ноздрей. Раз, второй, третий! Дыхательные пути очистились со свистом, но рефлекторный вдох не наступал.

Я схватила пук ржаной соломы и принялась с яростной силой растирать холку и рёбра малыша, стимулируя дыхательный центр через кожные рецепторы. Пульс угасал, паузы становились всё длиннее. Секунды таяли, как лёд на огне.

Отбросив солому, я опустилась на колени прямо в жижу и обеими ладонями обхватила скользкую мордочку бычка. Пальцами зажала челюсти, плотно прижалась губами к тёплым влажным ноздрям и осторожно вдудла воздух, следя, чтобы грудная клетка поднялась.

Раз! Два! Три!

Горьковатый привкус околоплодных вод остался на губах, но в этот миг существовала только яростная жажда вырвать эту жизнь у смерти. Под моей ладонью дрогнули рёбра.

Телёнок конвульсивно дёрнул лапами, широко распахнул пасть и издал первый, хриплый, оглушительный всхлип! Из бархатных ноздрей в холодный воздух коровника вырвались две упругие струйки горячего пара. Он задышал сам!

— Дышит! — заорал Степан, бросив шапку оземь. — Дышит, живой!

Илья подхватил оставленный на загородке сухой свитер и бережно укутал малыша. Его огромные ладони принялись растирать бока телёнка с трогательной осторожностью: — Ну давай, парень, держись... Ты Буян. Слышишь? Буяном звать тебя будут. Ты у нас наперекор всей нечисти родился.

Я капнула на мизинец раствор глюкозы и ввела палец в уголок рта бычка. Буян обхватил его широким шершавым языком и с жадным богатырским чмоканьем принялся сосать,

упираясь копытцами мне в колени. Сила сжатия была такой, что ноготь побелел. — Сосательный рефлекс есть, — выдохнула я, чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы облегчения. — Будет жить. И ещё всех нас переживёт.

Зорька перевалилась на грудь и тихо, призывно замычала. Илья бережно поднял тридцатикилограммового Буяна на руки и перенёс в бокс к матери. Корова тут же принялась вылизывать рыжую шерсть сына. Я попросила Марфу принести тёплое молозиво из запаса и проследила за первым кормлением.

Мы вышли в центральный проход коровника, где в молчании стояли доярки и скотники. Дядя Степан медленно подошёл ко мне, держа шапку в руках, и отвесил истовый поясной поклон: — Прости ты меня, дурака старого, Андревна... Спасла ты хозяйство. Ты берегиня наша отныне. При тебе и дышать легче.

Илья вывел меня на высокое крыльцо коровника. Метель улеглась, мороз сковывал лужи ледяным стеклом. Он подал мне чистое льняное полотенце и эмалированный ковш с ключевой водой: — Спасибо тебе, Вероника. Ты мне веру вернула. В то, что за эту землю стоит драться до последнего патрона.

За дверью коровника холод вернул мне память о машине.

Я омыла лицо студёной водой, смывая кровь и пот, и вдруг замерла, опустив полотенце. Холодная мысль ударила в виски: — Термобокс... — Что? — Илья нахмурился, вглядываясь в моё побледневшее лицо. — Мой лабораторный термобокс остался в багажнике застрявшей машины на дамбе! Там экспериментальные ферментные препараты и клеточные культуры! Хранить их надо при плюс двух — плюс восьми. Замёрзнут — культуры погибнут! Это пять лет научной работы! Без них я не смогу провести сертификацию и нейтрализовать токсины кормов!

Илья взглянул на настенный градусник: ртутный столбик сползал к минус пяти. — «Кировец» Степан увёл на другой конец фермы. На УАЗе быстрее. Прыгай!

Через полминуты дежурный УАЗ-«буханка» взревел мотором и сорвался со двора обратно в темнеющий лес. Дорога превратилась в ледяной трек. На крутом повороте у обрыва реки Луговки машину сорвало в занос; задний мост потащило к темнеющему обрыву, фары выхватили ствол вековой сосны.

Илья крепче сжал руль: он отпустил газ и повернул руль в сторону заноса. Двигатель взвыл, передние колёса зацепились за мёрзлую бровку, и УАЗ в полуметре от ствола выровнялся, продолжая стремительный разгон.

Мы затормозили у брошенного кроссовера.

Я подбежала к корме машины и попыталась открыть багажник запасным механическим ключом: крышка намертво вмёрзла в панцирь пятимиллиметрового льда. Личинка была забита ледяной крошкой. — Не открыть! — в отчаянии крикнула я.

Илья взял из кабины термос и налил горячую воду в бутылку и пролил зазор у замка. Лёд начал подтаивать. Затем Громов поддел створку дубовым клином и нажал плечом: ледяная корка лопнула, и багажник распахнулся вверх без единой царапины.

В глубине отсека мигал красный огонёк кейса. Датчик показывал: плюс ноль целых восемь десятых градуса. Температура ушла ниже безопасного диапазона; времени терять было нельзя! Но сорвавшееся запасное колесо намертво заклинило ручку контейнера. — Держись, — бросил Илья.

Он одной рукой приподнял стальной диск колеса, удерживая его на весу, а второй бережно вытянул термобокс: — Забирай и дуй в УАЗ, к печке ставь!

Глава 3

Я подхватила кейс, занесла в тёплую кабину «буханки» и поставила возле воздуховода. Датчик пополз вверх. Я продолжала следить за ним, пока Илья готовился ехать обратно.

Я обернулась к Илье и застыла. В зеркале заднего вида, на дальнем краю опушки за мостом, вспыхнул и погас луч света. В ельнике стоял тяжёлый тёмный пикап без номеров. Из тонированного окна наружу смотрел мощный фароискатель, сканируя следы нашего трактора.

Илья среагировал мгновенно. Он метнулся в кабину УАЗа и одним движением погасил все огни, погружая нас во тьму. Его тяжёлая ладонь легла мне на затылок, пригибая к сиденью: — Тихо, Ника. Сиди внизу. Не шевелись.

Луч прожектора медленно обшарил верхушки кустов над нашей крышей. — Кто это? — прошептала я, чувствуя, как бьётся его пульс. — Шакалы Саблина, — процедил Илья. В его голосе звенел свинец. — Начальник охраны Саблина на таком пикапе ездит. И следы этой грязевой резины я на дамбе видел. Пасут ферму. Ждали, когда Зорька сдохнет, чтобы за бесценку забрать мясо и пустить меня по миру. А ты приехала и сломала им игру.

Пикап на опушке развернулся и растаял в сумерках за рекой. Илья завёл мотор: — Напрямую через мост не пойдём. В объезд двинем, по лесовозной просеке.

УАЗ тихо тронулся по целине без фар, на одних габаритах. На глухой лесной гати под снегом хрустнула коряга, колесо пробило. Но Илья сработал как часы: домкрат под балку, гайки долой — и через несколько минут запаска встала на место, пока я светила фонариком смартфона.

К возвращению датчик термобокса показывал плюс четыре; проверку жизнеспособности культур я оставила на утро. В глухой ночной час УАЗ затормозил у высокого резного крыльца добротного векового пятистенка из морёной сосны на крутом яру Луговки. Из широкой кирпичной трубы в морозное небо поднимался душистый берёзовый дым.

Мои силы иссякли окончательно. Стоило заглушить мотор, как ноги подкосились на деревянных ступенях. Илья подхватил мой чемодан и термобокс в левую руку, а правой властно и бережно обнял меня за талию, прижав к себе и приняв весь мой вес. Поставив багаж у порога, он повернул кованый ключ в массивной дубовой двери и шагнул со мной в просторные, пахнущие смолой и сушёной мятой тёплые сени.

Страхнув снег с плеч, он посмотрел на меня сверху вниз — усталый, небритый, пропахший дымом и железом, но с такой теплотой во взгляде, от которой по телу разлилась сладкая согревающая волна: — Ну вот ты и дома, Ника. Баня истоплена, печь гудит. Пойдём отогреть тебя будем, хозяйка.

В сенях я задержалась у двери, пока Илья ставил чемодан у стены.

Я стояла в просторных рубленых сенях пятистенка, обхватив себя за плечи. Мокрые джинсы ледяным панцирем липли к бёдрам, по спине бежала мелкая, непрекращающаяся дрожь. Глухая ноябрьская ночь стояла над рекой Луговкой, сизый морозный сумрак клубился за узкими оконцами пятистенка.

Илья сбросил отцовский полушубок на широкий деревянный ларь, зажёл керосиновый фонарь с начищенным до блеска стеклом и посмотрел на меня с мягкой, виноватой улыбкой: — Совсем озябла, докторша. Пойдём, баня истоплена, камень звенит. В избе не согреешься, пока ледяную грязь с костей не смоешь.

Мы спустились по высокому деревянному крыльцу и пошли по дощатым мосткам через яблоневый сад к речной излуине. В темноте мостки поблескивали свежим ледком, подошва соскальзывала, а за деревьями чернела стылая, быстрая вода Луговки. Страх перед неизвестностью и глухой тайгой на миг сковал дыхание: я одна, за сотни верст от столицы, ночью иду за незнакомым великаном в баню.

Я замерла, сжав кулаки. Илья тут же обернулся, поднял фонарь к лицу, освещая свою широкую, тронутую снегом бороду: — Не робей, Ника. Баня у меня чистая, сам сруб ставил. Никто тебя в Громово не обидит. Слово даю.

В его голосе звучала такая спокойная мужская правда, что тревога растаяла без следа. Свет фонаря выхватил ладный сосновый сруб под самой кручей яра. Из кирпичной трубы в морозное небо поднимался душистый берёзовый дым.

Тяжёлая дубовая дверь предбанника не поддавалась: засов намертво прихватило ледяным дождём. Мои заочневшие пальцы соскользнули с обледеневшей железной скобы. — Погоди, пальцы расшибёшь, — Илья осторожно отстранил меня ладонью.

Упервшись плечом в массивный косяк, он коротким, плавным рычажным усилием подал кованую скобу на себя. Ледяной панцирь с сухим хрустом лопнул, и дверь распахнулась без единого скрипа. Он придержал дверь, пропуская меня в тепло.

Я переступила порог парной и замерла от ударившего в лицо плотного берёзового жара. Густой пар с непривычки перехватил дыхание, в висках застучало. Инстинктивно я толкнула низкую резную дверцу, ведущую из предбанника на личные мостки над рекой. Морозный воздух обдал распаренное лицо. Я опустила на колени, зачерпнула две полные пригоршни свежего, рассыпчатого снега и с наслаждением отерла горящие щёки и шею. Шоковый, ледяной контраст северного снега и банного жара мгновенно прояснил мысли; в жилах запульсировала горячая, чистая кровь.

В бане всё дышало первозданной чистотой. Стены и широкие полки были срублены из отборного канадского кедра, выскобленного до шелковистой белизны. В медном чане на чугунной печи томились тугие пучки сушёной мяты, медуницы и чабреца, наполняя воздух сладким, хмельным ароматом цветущего лета. Каждая полка была выскоблена, у двери ждала сухая простыня. Илья оставил мне весь этот жар и тишину, а сам вышел.

— Я в предбаннике побуду, если что надо — кличь, — донёсся из-за двери его негромкий бас.

Оставшись одна, я смыла следы тяжелейшей ночной операции. Вода в медном котле бурлила ключом, но когда я попыталась повернуть кран холодной воды, его не провернуло — трубу от бака прихватило морозом. — Илья! — постучала я в дощатую стену. — Холодную пережало!

Дверь приоткрылась. Илья, бережно храня моё уединение и глядя строго в сторону, поставил у порога дубовое ведро ледяной колодезной воды с хрустальными осколками льда: — Держи, докторша. Разбавляй один к трём, самый бархатный настой выйдет.

Я зачерпнула деревянным ковшом тёплую травяную воду, щедро омыла плечи, смывая нагар больничных тревог. Каждая клеточка тела оживала, наполняясь упругой силой. Мыло из кедровой живицы пахло хвоей и чистотой.

Завернувшись в льняную простыню, я вышла в предбанник. Мокрая одежда валялась в углу. Но на лавке у окна уже лежала аккуратная стопка: чистая мужская рубаша Ильи из мягкой фланели в крупную красно-чёрную клетку и толстые шерстяные носки домашней вязки. Я натянула рубашу — ткань доходила почти до колен, просторные рукава закрывали кисти рук, обволакивая целебным теплом и едва уловимым ароматом смолы и морозного ветра. Я прижала ворот к щеке и улыбнулась.

Я приоткрыла наружную дверь. Ночной мороз щипал влажные щёки, на мостках искрился иней. На дорожке стоял Илья. Он молча протянул мне широкую горячую ладонь. Его мозолистые пальцы надёжно сомкнулись вокруг моей руки, и он повёл меня через яблоневый сад прямо в тёплую избу, откуда тянуло дурманящим ароматом жареной картошки и свежего хлеба.

Мы вернулись из бани к накрытому столу.

Горница пятистенка встретила нас ласковым, глубоким жаром. Огромная белёная печь занимала почти полкомнаты; её кирпичные бока отдавали накопленное тепло, озаряя сосновые стены янтарными отсветами углей. На массивном дубовом столе дымился чугунок с томлёной картошкой и хрустящими шкварками, рядом стояла миска с солёными рыжиками под кольцами сизого лука и запотевшая крынка с квасом.

Я присела на лавку, смущённо пряча пальцы в рукавах его огромной рубахи. В одежде хозяина, без косметики, с распущенными влажными волосами я чувствовала себя беззащитной. Илья опустил на скамью напротив, перехватил мой смущённый взгляд, мягко усмехнулся в бороду и подался вперёд. Кончиками огрубевших пальцев он аккуратно подвернул манжеты на моих запястьях раз за разом, обнажая тонкие кисти. Прикосновение обожгло сдержанной мужской нежностью: — Так сподручнее ложкой орудовать, Вероника. У нас не приёмы министерские, не чинись.

Он наложил картошки деревянной лопаткой, но вдруг осёкся: — Ты уж не взыщи... Столичных изысков не держим. Картоха своя, грибы из бора. Если брезгуешь — скажи, я в райцентр смотаюсь, сыра магазинного привезу... — Илья, перестань, — я зачерпнула деревянной ложкой горячую картофелину с рыжиком и отправила в рот.

Пряный лесной дух чеснока, укропа и хрустящего гриба взорвался на языке вкусом забытого детства: — Я с десяти лет у бабушки под Вологдой такой картошки из печи не ела. Ни в одном московском ресторане так не накормят. Это счастье, Илья.

Его лицо посветлело. Мы ели в уютном молчании под мерный треск поленьев в устье печи. Он подвинул ко мне последние рыжики, и я отдала ему румяную картофелину с самого дна чугунка.

Когда посуду убрали и Илья разлил по глиняным кружкам чай из листьев смородины, я вернулась к главному: — Илья, объясни мне. У тебя феноменальное стадо чистопородных голштинок. Но почему в ветпункте шаром покати? Куда уходят деньги за молоко?

Глава 4

Лицо Громова посуровело. Он отодвинул кружку: — Не лезь в это, Ника. Не твоя забота. Ферма под пятой у Аркадия Саблина. Монополист на три района. Молокозавод прибрал, молоковозы его. Берёт молоко по восемнадцать рублей за литр, а солярка — шестьдесят пять. Если вякнешь — дорогу перекроет, свет отрежет, проверки нашлёт. За роботов было двадцать миллионов. Почти всё выплатил, осталось семьсот восемьдесят тысяч. К новому году не заплачу — пустят хозяйство с молотка. Заливные луга саблинские дружки под дачи скупят.

— Луга под дачи?! — я вскочила на ноги, возмущённая до глубины души. — Элитный репродуктор под нож пустить?! Да это преступление против породы, против земли! Почему ты не судишься?! — А ты в судах наших бывала?! — взорвался Илья, нависая надо мной во весь свой исполинский рост. — Вы, городские умники, только указивки строчить горазды! Вы солярку тоннами не жгли в распутицу! Кредиты банку своими мозолями не выплачивали!

— Я знаю цену труду не хуже тебя! — крикнула я в ответ, глядя ему прямо в глаза. — Мой научный руководитель в институте украл мою разработку по ферментам, подписал грант своим именем, а меня вышвырнул сюда в глушь, думая, что я сломаюсь! Но я не сломалась! И ты не смеешь опускать руки перед барыгой!

Мы тяжело дышали, глядя друг на друга. В этой яростной вспышке обнажилась чистая правда: оба ранены предательством, оба стояли спиной к обрыву. Я стиснула край стола; Илья отвёл взгляд к окну и снова повернулся ко мне.

Илья с глухим стуком опустил кулак на дубовый стол. В его серых глазах блеснула отчаянная сыновняя боль: — Отец Василий три года назад прямо за рулём трактора умер. На весенней пахоте сердце разорвалось. Он эту ферму из руин колхозных зубами поднимал. Всё твердил: «Илюха, землю сбереги, людей не бросай». А я всё в кабалу загнал. Если скотину на забой пустят — как я отцу на могилу приду?! Какими глазами?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.